

Безвременье многих меняет, а начинается с детей.

Марго два года спустя

ДВА года назад бессменный, возглавлявший театр юного зрителя "Современник" около 20 лет, режиссер Маргарита Яковлевна Арянова неожиданно передала эстафету молодому 27-летнему Сергею Шингерю. Ее уход, а точнее, даже уезд из города в Москву - там она должна была помочь дочери растить сына, воспринялся тогда как-то чересчур спокойно. Произшедшая смена поколения в режиссерах ТЮЗа казалась тогда делом времени, и лишь немногие понимали, и это были, к сожалению, не дети, которые занимались тут же, в "пересменок", в ноябре 95-го, что ТЮЗ без Аряновой совсем не будет театром, детским, самостоятельным, современным. Он будет другим, соглашалась сама Марго. Каким?

СПУСТЯ год мы встретились с Шингереем, чтобы поговорить о городских самостоятельных театрах вообще, благо, и повод был самый подходящий - собирались обсудить результаты традиционной театральной недели. Вот оно, наше прошлогоднее интервью с ним: молодой режиссер столкнулся с множеством проблем, начиная от ленивого железнорогского зрителя и заканчивая патологической детской страстью при выборе пьес-"страшилок" - детишкам хотелось играть про Франкенштейна. "Ребята, но там же нет

один из последних августовских дней мы встретились. Разговор, что предстоял, казалось мне, интересным будет для многих, и не только тюзовцев - бывших и настоящих. Но начать его было нелегко:

- Мы можем поговорить с вами о ТЮЗе?

- В общем... это трудная тема...

Долгие паузы заполняли собой все пространство. Она тщательно обдумывала каждое свое слово, была сдержанна.

- Главное, я никого не хочу ругать, винить...

- Я понимаю...

ТЮЗа действительно подтвердили, что Шингерей ваш преемник?

- Я просто надеялась, школа у нас действительно одна... Но могу сказать только: конечно, колоссальная разница между нашим поколением и нынешним. Дело в том, что сейчас каждый сам за себя. И если раньше мы работали так... Для меня лично всегда была на первом месте работа: ни со временем не считалась, ни деньги меня не интересовали. Я понимала, что просто без театра жить не могу. Помню, у меня родилась дочь, ма-

- Ну, я объясняю это тем, что надо много времени уделять, а не наскаками работать. Сейчас вообще очень трудно в самостоятельности. Я не могу ни ребят критиковать, ни режиссера, потому что это - тяжело. Но не понимаю, как можно брать спектакль, два года над ним работать и... один раз сыграть? Столько труда, и ради одного показа? Господи, вот сейчас думаю, как, как я с ребятами выпускала спектакли? Такие требования были!

- Можете, раньше дети талантливее были?

выбор профессии, в конце концов, судьбу?

- Не очень много ребят остались в театре. Вот в Пушкинском Паша Абраменко работает, он всегда театр ставил на первое место. Живет трудно, приходится ему заниматься рекламой. Андрей Шерстнев - в Вологде, играет, ставит спектакли, опять же подрабатывает рекламой. Наташа Гарус закончила в этом году курсы в Москве, она - в Еврейском театре. Говорят, даже перекарсилась в черный цвет. Жанна Болтенкова работает в Москве на "ТВ-6" редактором по оформле-

нию канала. Интересно это ей, неинтересно - только она одна может сказать. Марина Кочнева, моя дочь, тоже работает на "ТВ-6" в программе "Театральный понедельник" корреспондентом. Она довольна своей работой и несколько не жалеет, что ушла из театра. (В программе "Театральный понедельник" лишь Марина, окончившая школу-студию МХАТ, и еще один оперный критик являются профессионалами в области театрального искусства. - прим. авт.)

- А из тех, кто остал-

Мамаев заканчивал Красноярский институт искусств, сейчас он рекламой занимается.

- Когда вы с ними встречаетесь, о чем вспоминаете? ТЮЗ в их жизни занимал какую-то часть тогда, унесли ли они эту частичку памяти сейчас с собой?

- Они были тогда детьми, а детство, оно же уходит, и многое забывается. ТЮЗ - это детство, из которого помнят лишь отдельные фрагменты. Ну вспоминают, как мы интересно ходили в походы, как ставили спектакли... Вот у меня есть 12-летняя внучка, каждый день ходит гуляет. "Чем вы занимаетесь?" - спрашиваю. "Гуляем". Просто ходят, гуляют. То, что моя дочь, ее друзья - они не просто ходили гулять, они были заняты делом - в этом я уверена. Не знаю, помнят ли они этот момент из жизни или нет, но в любом случае он наложил большой отпечаток на их характер. Из многих из них получились серьезные люди.

- Мне кажется, что теперь мы подошли к самому больному: будет жить теперь ТЮЗ?

- А вы бы сами чего хотели?

вого железнодорожного зрителя и заканчивая патологической детской страстью при выборе пьес- "страшилок" - детишкам хотелось играть про Франкенштейна. "Ребята, но там же нет никаких взаимоотношений!" - восклицал Сергей. Но тщетно - какой там Островский, какой Мольер! Вроде бы, промежуточный выход был найден, и ТЮЗ начал готовить программы-капустники (один из них получил наибольшую известность - "Класс-концерт"). Сам Сергей с удовольствием и, говорят, он профи в этом деле, выступал в подобных программах. Потом нынешняя весенняя премьера "Мнимого больного" на сцене ДК, и вот... практически все на сегодня. Все чаще ребятки из ТЮЗа стали появляться на местном тиви в роли ведущих музыкальных программ, вероятно, забросив при этом дела в театре и заодно обзаведясь совершенно неосознанно в начале театральной-телевизионной карьеры ярлыком "говорящей головы". О ТЮЗе в городе все меньше и меньше говорят, хотя, впрочем, этот удел коснулся и остальных самодеятельных театров. Сергей продолжает трудиться продавцом в "Клондайке" - это основное его место работы и главный заработок на сегодня - и с начала нового учебного года, по его словам, уже выбрана повесть "Люся Синицина, ученица 3-го класса", которую еще предстоит переработать для постановки.

А ЧТО ЖЕ Арянова? Маргарита Яковлевна теперь уже довольно часто приезжает в город и надолго остается в нем. В

ли собой все пространство. Она тщательно обдумывала каждое свое слово, была сдержанна.

- Главное, я никого не хочу ругать, винить...

- Я понимаю...

- Там уже свои законы, все свое. Ну, а потом, я один раз пришла... В общем, я еще не в таком возрасте, чтобы сидеть дома, а ходить туда, берeditь себя - это очень тяжело. Это первое. Авторое, я там пыталась сделать что-то похожее на театр, а то, что увидела, это несколько расстроило меня... Какой-то уют я пыталась создать там, цветов у меня там было много. Приехала, зашла - а ничего нет. Я поинтересовалась: почему нет? Мне объяснили. Ну, одним словом, лучше этого не касаться.

- Когда вы оставляли Шингеря два года назад вместо себя, вы думали, что так получится?

- Нет, конечно. Как-то он... не сумел себя поставить, чтоб с ним считались, что ли. Кто-то хозяйничает вместо него, приходит, что-то нарушает - мне, например, это непонятно. Почему-то спектакли в ДК перенесли... Я столько лет добивалась этого помещения на Комсомольской и хотела, чтобы театр был какой-то создан. Но...

- Работы нового режиссера вам удалось посмотреть? Два года назад мы втроем - вы, Сергей и я - долго говорили о театральной преемственности. Вы - представитель вахтанговской школы, Шингерей - вроде бы тоже. Работы режиссера

на первом месте работы: ни со временем не считалась, ни деньги меня не интересовали. Я понимала, что просто без театра жить не могу. Помню, у меня родилась дочь, маленькая, грудная, а мне нужно бежать играть "Круглый стол с острыми углами". Вот накормишь ее и несешься, первый акт кончился, и бежишь обратно домой. Как муж это терпел, не знаю. Но иначе я в этом городе не смогла бы жить, если бы у меня не было этой работы.

Сейчас ведь по-другому к этому относятся. Я вот, например, не понимаю, как можно стоять в продавцах и заниматься театром. Театр очень много времени требует, и мне иногда кажется, что этого самого времени и не хватает для работы.. А к нашей профессии относятся не очень серьезно, она никогда не считалась нужной, необходимой. И оплачивалась она соответственно не очень высоко. А отсюда - все остальное. Я не хочу сказать, что в те времена уж нас больно так ценили. Да никогда не ценили.

Вот я сейчас на пенсии и начала смотреть на некоторые вещи по-другому. Мой труд никак не был оценен. Я даже не ветеран, хотя какие-то там медальки вручали, присваивали звания. Даже труд уборщицы, подметальщицы... они вот ветераны, а мы нет. ...Не знаю, делает что-то Сергей. Выпущен же спектакль.

- Если вы о Мольере, то, по отзывам, это трудно назвать спектаклем.

ного показа? Господи, вот сейчас думаю, как, как я с ребятами выпускала спектакли? Такие требования были!

- Может, раньше дети талантливее были? Безвременье многих меняет, а начинает с детей.

- Конечно, меняет, какой разговор. Раньше был лозунг - "Один за всех и все за одного". Я не за коммунистические идеалы, к этому очень, так сказать, отношусь... холодно. Но в театре невозможно без этого закона работать. Особенно в самодеятельности. Тут должна быть во главе коллектива личность, которая могла бы много времени уделять именно воспитанию детей. А по-другому невозможно. Нас, видимо, так воспитали и... нам повезло: 50-е годы, ученики Вахтангова, там действительно была выучка. И сейчас кого из моего курса не встретишь - какая там семья, дети! Только театр.

С другой стороны, если бы я сейчас пошла работать, не знаю, чтобы взяла ставить. Не представляю.

- Вы боитесь, что это будет неинтересно ребятам?

- Это должно быть интересно, в первую очередь, зрителям. Сегодня идеалы изменились. Какие они, пытаюсь понять - не могу. И пьес, наверное, новых еще таких не написано. О новых русских - мне это совершенно неинтересно.

- Маргарита Яковлевна, давайте поговорим о ваших учениках. Где они, чем занимаются, повлиял ли ТЮЗ на их

школа-студию МХАТ, и еще один оперный критик являются профессионалами в области театрального искусства. - прим. авт.)

- А из тех, кто остался в нашем городе? Вот, например, Ирина Паздникова, телеведущая программы "Кстати". Кроме природного обаяния у нее есть и приобретенное, которое, думается, появилось и в результате работы в свое время в ТЮЗе. Как вы оцениваете ее как актрису?

- У нее очень хорошие актерские данные. Я помню, как она играла "Ночь после выпуска". Очень даже хорошо. Так что нет ничего удивительного, что на экране она смотрится притягательно. Талантливый человек, органичная очень. Если бы не ТЮЗ, то сложнее было бы все. Занятия в театре, мне думается, помогли ей. Гриша Янушкевич, тележурналист, тоже бывший тюзовец. Видимо, детский театр сыграл свою роль в выборе их профессии.

Были у меня и любимые ученики, которые, к сожалению, а может, и не к сожалению, не пошли в профессию, но где-то оказались рядом с ней. Вот одна следователь, в милиции работает Марина Федорова, вторая Марина Абраменко, тоже следователь. Также юристом работает Слава Шаповалов, очень талантливый был мальчик. И еще была девочка, которую я просто уговаривала взять ТЮЗ, когда уезжала в Москву, - Оля Заморозова, она сейчас педагог и работает в школе. Витя

серьезные люди. - Мне кажется, что теперь мы подошли к самому больному: будет жить теперь ТЮЗ?

- А вы бы сами чего хотели?

- Мне бы хотелось, чтоб он выжил, но, кажется, это невозможно. Раньше это действительно было дело, даже, может быть, год назад, а сейчас ТЮЗ постепенно превращается в тусовку. Около-театральную.

- В общем, не знаю я, откровенно говоря. Будет он жить, нет... Все зависит от того, сумеет ли повзрослеть режиссер, тогда, может, что-то и будет...

- Дело действительно во взрослости? Есть взрослый Годанов и его самодеятельный театр, но у них неменьшие проблемы.

- Ну, а что Годанов? Годанов очень любит это дело. Любит. Он по-настоящему отдается театру, ведь любовь это тоже много значит, другое дело, как там складываются всевозможные обстоятельства.

- Как для вас складываются сегодняшние обстоятельства в городе?

- Все зависит от того, как у дочери сложится с работой. Если нужна буду в Москве, то, естественно, уеду туда помогать. Неопределенно все. Если останусь в городе, то, откровенно говоря, дома сидеть в четырех стенах я не смогу. А вернуться обратно в ТЮЗ... Пока ничего не могу сказать.

Елена ЛИ.

Фото Александра ВЛАСОВА.